

Два сценариста Семен Лунгин и Илья Нусинов. Два автора, сочинившие сценарии для фильмов «Мичман Панин», «Тучи над Борском», «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен!» и, наконец, «Внимание, черепаха!».

«Черепаха» получила Золотой приз на III Московском международном кинофестивале детских фильмов. А узнал об этом уже один Лунгин. Вот уже полтора года, как Илья Нусинова нет. Студия «Мосфильм» выпускает сейчас фильм «Телеграмма», где в титрах в последний раз будут написаны рядом два имени: Семен Лунгин и Илья Нусинов.

— Мы встретились с Нусиновым очень давно, — рассказывает Семен Львович Лунгин. — Он был студентом второго курса математического факультета, я — второкурсником ГИТИСа. Встретились на даче в Кратове и уже на третий день стали писать пьесу. Называлась она довольно претенциозно: «Канат альпинистов». Рассказывали же мы простую историю о девочке, которая опоздала стать балериной, хотя по природе, по таланту, по призванию души была балериной. Пьесу принял к постановке Студенческий театр МГУ и поста-

лая компания стремится защитить Костю Иночкина, сделать так, чтобы он остался в лагере, чтобы ел и пил и бабушка его увидела живым и здоровым. Ради этого мальчишки идут в крапиву. Даже ребята-актеры ныряли в крапиву по-настоящему, потому что верили: так можно выручить Костю. А в «Черепахе» только об этом и разговор. Дети должны спасти живое существо и защитить вечность — ведь черепахе триста лет, и она уже была вполне зрелой черепахой, когда родился Пушкин.

Но даже о самых драматических вещах мы пытаемся говорить в комедийном ключе. Патетика противна природе детей. Мне кажется, что есть два типа картин для ребят: после одних дети играют в картину, после других — думают. Обратите внимание, они играют обычно в довольно злые картины — со стрельбой, погонями, фашистами, войной. Обычно в таких фильмах или мало, или совсем нет игры.

А когда в основе картины лежит игра, ребята переживают ее интенсивнейшим образом. После фильма они устают. Игра сыграна.

В наших сценариях всегда есть игра. В «Телеграмме» тоже будет игра — в новогоднюю ночь мальчишка нахо-

Для самых маленьких детей, их старших братьев и сестер, и х м а м и п а п

вил бы, наверное, если бы не началась война.

Нусинов поступил в Военно-воздушную академию, потом был на фронте. Я работал режиссером в Драматическом театре имени Станиславского. Два раза Илья приезжал с войны, и каждый раз мы писали по одному акту будущей пьесы.

Спустя несколько лет после войны у нас приняли сценарий фильма «Мичман Панин». Мы ушли в профессионалы — Илья уволился с завода «Манометр», я — из театра, и стали только писать. Как писали? Не знаю. Только нянька моих мальчишек все время ворчала: «Ишь сидят, хохочут! А говорят, что это работа».

А мы с Ильей были маленьким драмкружком. Все реплики, слова сначала проигрывали, потом Илья их записывал. И так получался сценарий. Часто я увлекался игрой и не замечал даже, когда он записывал.

— Кстати, почему сценарии, а не книги?

— Да просто все, что придумывается, сразу представляется очень четко — в конфликтах, поступках, репликах. Отливается в драматургическую форму. Это раз. И два — это инерция. Привыкли сочинять сценарии. Правда, когда Детгиз предложил нам издать киноповесть «Тучи над Борском», мы согласились и, не внося в сценарий никаких изменений, отдали его в издательство. Получилась книга. Так что, быть может, и надо было бы писать книжки... Только очень хочется увидеть то, что придумали, на сцене или на экране.

— Сейчас закончены съемки фильма «Телеграмма», у которого два автора. А дальше?

— Как вы понимаете, перестроиться мне очень трудно. Я так привык разговаривать с Ильей, проигрывать с ним все сценки, что и теперь продолжаю говорить вслух и только потом записываю.

Был ли страх? Был. Но прошел после того, как сценарий «Без трех минут ровно», задуманный нами вместе, но написанный уже мною одним, получил премию Всесоюзного конкурса на лучший детский киносценарий, посвященный 50-летию пионерской организации. Теперь на «Мосфильме» фильм по этому сценарию снимает режиссер Г. Габай, а Ленинградский театр юного зрителя собирается поставить пьесу, написанную по мотивам сценария.

Хочу сказать, что нам везло с режиссерами. Все мы — и Роллан Быков, и Василий Ордынский, и Михаил Швейцер, и Элем Климов, и Генрих Габай, и мы с Ильей — почти одно поколение, поэтому выступаем в кино от имени сверстников.

Все наши фильмы так или иначе о молодых. Мы как-то с Нусиновым подумали: есть ли у нас своя тема и какая она? И поняли, что есть. Это — становление гражданского сознания. Мы всякий раз старались взять такую ситуацию, когда у человека появляется необходимость поступить благородно, когда невозможно поступать душевно слабо.

Так, в «Добро пожаловать!» вся весе-

лит телеграмму и должен отыскать адресата. Это не только розыск, но и игра в розыск. В конце картины выясняется, что... что выясняется, говорить не буду, а-то неинтересно будет смотреть.

— Дети не готовятся жить, а живут. Их жизнь ничуть не проще жизни взрослых. Как-то польский педагог и писатель Януш Корчак беседовал с одним знакомым о детях. Для разговора с малышами надо присаживаться на корточки, уверял собеседник Корчака. А тот ответил, что, напротив, взрослому надо подниматься на цыпочки...

— Я думаю, надо просто стоять вровень. Дети — это те же взрослые, только маленькие. Поэтому все наши картины мы адресовали и взрослым, и детям. Были даже эпиграфы у «Добро пожаловать!»: «Взрослым, которые были детьми, и детям, которые обязательно будут взрослыми», а у «Внимание, черепаха!»: «Для самых маленьких детей, для их пап и мам, для их дедушек и бабушек...». В «Телеграмме» эпиграфа нет, но адреса те же.

Вообще дети — это личности, свободные в своих духовных и умственных проявлениях.

Я наблюдаю за своими сыновьями, за их друзьями. Когда мой старший сын был в лагере, мы написали «Добро пожаловать!», когда другой — Женя — был маленьким, мы написали «Черепаху». А позже и «Телеграмму». Тогда заметили, что у маленького мальчика день длиннее, чем у взрослых. С ним происходит миллион невероятных событий, и каждое требует немедленного его участия.

Вы замечали, что дети застывают? Это вовсе не состояние прострации. Напротив, это минуты высшего напряжения интеллектуальной деятельности — постижение мира. Но они быстро устают после такого напряжения. И им надо побегать, толкнуть соседа или побарахтаться с ним на полу...

Есть еще тема, которая меня сейчас волнует.

В одной школе на вечере у всех дверей, в коридорах, даже в зале стояли одинаково аккуратные мальчишки, причесанные, гладкие, в начищенных ботинках. На рукавах были красные повязки дежурных.

— Будьте любезны, — обратился ко мне один. — Не стойте у стенки. Пройдите и сядьте.

— Мне, знаете, не хочется садиться, — ответил я. — К тому же здесь я вроде бы никому не мешаю.

— А я вам все равно говорю: пройдите, — мальчишеский голос напрягся, как бицепс, — не стойте здесь. Слышите, пройдите.

Я смотрел на него и видел, что в глазах было сознание безнаказанности, были только права и никаких обязанностей... Надо об этом подумать. Быть может, и написать, ввести в новый сценарий или пьесу.

Серьезнее становится моя ответственность — сочинителя, сценариста детского кино.

Записала Т. АЛТШУЛЬ.